ДБ
ЗО Зап. отд.
П-14

Палашенков А.

Отчего Смоленск получил свое название

Смоленск, 1926

ДБ
30 3
П14

А. Ф. ПАЛАШЕНКОВ,
...ющий Историко-Археологическим Отделом Смолгосмузея.

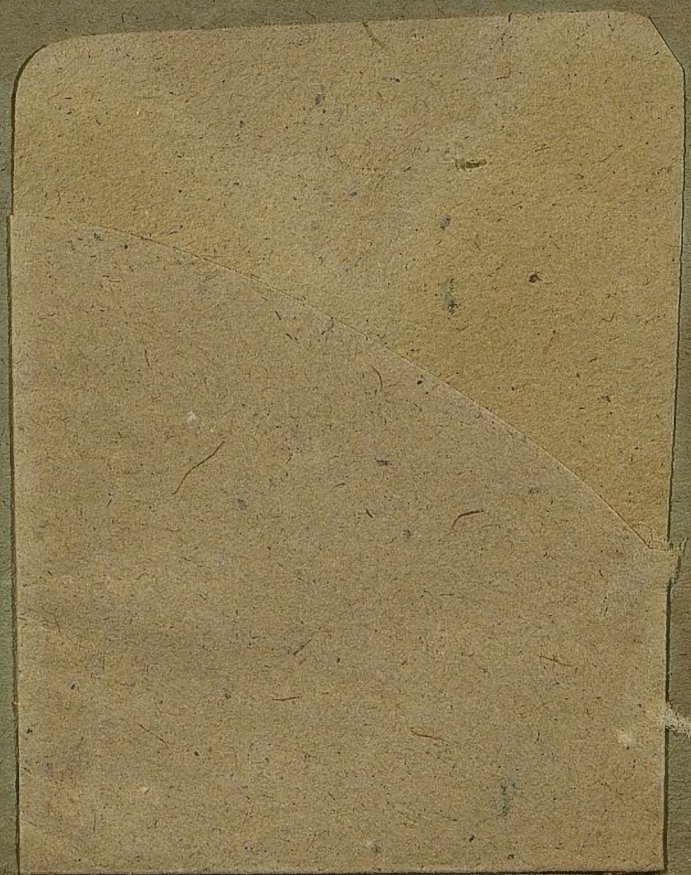
ОТ ЧЕГО СМОЛЕНСК получил свое название.

2001/3

Опыт проверки имеющихся в литературе домыслов.

43161/16

Издание А. Ф. Палашенкова.
СМОЛЕНСК—1926 г.



Д, Б 30 Зап.
П-14

А. Ф. ПАЛАШЕНКОВ,
Заведывающий Историко-Археологическим Отделом
Смолгосмузея.

9(47.393-21)

ОТ ЧЕГО СМОЛЕНСК ПОЛУЧИЛ СВОЕ НАЗВАНИЕ.

2001/3

(Опыт проверки имеющихся в литературе домыслов).

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 43161/16

Издание А. Ф. Палашенкова.
Смоленск—1926 г.

Смоленск, Б.-Советская 6.
Типогр. Опредснабзапа.
Зак. № 445. Гублит № 820.
Тираж 1000 экз.

От чего Смоленск получил свое название.

Смоленск—древнейший из городов русских. Некоторые ученые считают его древнее Киева *), о зачале и названии которого первый летописец зафиксировал на страницах летописи распространенное в его время народное предание; между тем как о Смоленске предания, освященного веками, тысячелетием, санкционированного пером летописца, не сохранилось. Были лишь позднейшие попытки к восполнению этого пробела.

Предания и легенды имеют за собой ту заслугу, что дают ключ ко вскрытию труднейших в разрешении вопросов. Но, вместе с тем, наличность их по тому или другому вопросу часто останавливает попытку об'яснить этот вопрос по-другому.

Красивая легенда об основании Рима Ромулом и Ремом и происхождение названия города от Ромула так или иначе дает ответ на поставленный вопрос. То же можно сказать и про начало Киева, Суздаля.

Но о возникновении Смоленска легенд не сохранилось. Его начало затерялось в глубине веков, в чаще окружавшего его леса.

*) И. Е. Забелин начало Смоленска относит за 600 лет до начала нашей эры.

Вместо одной красивой легенды, одного предания, какими обвеяны первые дни Рима, Киева и др. городов, о происхождении названия Смоленска существует целый ряд предположений, число которых увеличивается и в настоящее время.

Это является показателем, во-первых, того, что ни одно из предположений, выдвинутых по данному вопросу, не опирается на неподлежащие сомнению факты, и, во-вторых,—разрешение данного вопроса имеет важное значение, ибо, как говорит историк,—„в науке обыкновенно бывает так: если исходная точка зрения верна, то всякий новый труд, произведенный в том же направлении, увеличивает запас данных и прибавляет света для раз'яснения минувших веков. И наоборот, исходя из ложной точки зрения, труды, хотя бы и талантливых ученых, остаются почти бесплодны для положительного решения темных вопросов".

Одной из исходных точек для историка Смоленска, между прочим, и является вопрос о происхождении его названия. Недаром же и неизвестный автор истории Смоленска 1780 года, и Мурзакевич (1804 г.), и Никитин (1847 г.), и Писарев (1894 г.) посвящают разрешению данного вопроса первые страницы своих трудов.

В кратком рукописном историческом и географическом описании города Смоленска, составленном около 1780 года*), записаны слышанные автором об'яснения, „от чего Смоленск название свое получил". И наряду с

*) Рукописью пользовался Н. А. Мурзакевич при составлении в 1804 г. истории города Смоленска. Ее, по всей вероятности, нужно считать оригиналом или прототипом той, которая была поднесена Екатерине II при посещении Смоленска. Рукопись переписана тщательно, красивым почерком. Хранится в Смоленском Музее Древностей.

2-мя другими положениями *) приводится между прочим указание на происхождение названия Смоленска „от имени некоего предводителя Смолига, который будто бы город населил и по имени своему назвал".

О существовании подобного рода предположения знал из какого-то источника и епископ Смоленский Парфений Сопковский (1761—1795 г.).

В этой попытке дать об'яснение происхождения названия Смоленска от Смолига, может быть, кроется зачаток легенды, подобной Киевской. Но данный вымысел не облекся в художественную форму, в каковой он только и живуч, и, просуществовав, отдав дань времени, отцвел, не успев расцвесть. Еще Н. А. Мурзакевич прочитал над ним отходную: „Смолиг, говорит он, был ли предводителем и населял ли город, о том никто не упомянул... Древние историки Иоаким епископ Новгородский, преподобный Нестор и другие о Смолиге не упоминают, а город именуют Смоленск или Смоленец, а не Смолигов или Смолиговец; также и жителей Смольянами, Кривичами, а не Смолиговцами".

В том же упомянутом выше историко-географическом описании Смоленска говорится: „некоторые производят оное (название)... от Смолигова колодезя который внутри города находится... а еще некоторые от речки Смольянки, коим именем нынешний Егорьевский ручей в старину назывался". По этому поводу Н. А. Мурзакевич пишет: „Потому, ежелиб город Смоленск от Смолигова колодезя название свое получил, то почему колодезь Смоливговым называется? Колодезям обыкновенно дают имена чьим старанием он выкопан

*) Приводятся ниже.

или хорошо обделан, а иногда по месту и дому близ колодезя находящемуся". Опровергая положение, он продолжает: „Егорьевский ручей начинается в Спасском рву, который столь мал, что соединяясь с Зеленым протоком, составляет маленькую речку, текущую от источника до Днепра не больше версты". „Притом", говорит П. Никитин, „Георгиевский ручей назывался в старину речкой Гуриловкою" *). Но если даже согласиться, что Егорьевский ручей и назывался Смольянкой, то все-таки трудно допустить, чтобы название небольшой речки, совершенно терявшейся в массе других ручьев и речек, здесь протекавших, терявшейся в гуще леса, могло сказаться и на названии возникшего города. Корень в слове „Смольянка"—„смол"—чисто славянский корень. Таковой же и в названии Смоленска. Отсюда можно только сделать вывод, что один мотив лег в основание этих двух названий. Другое дело, если бы речка носила финское или какое-либо другое название. Естественно, пришедшие поселенцы, узнав его, произнося как что-то странное и непонятное, могли бы дать это же название и возникшему новому „построению". Примером этого является Москва, воспринявшая название финской реки Москвы.

Датский историк XII века Саксон Грамматик намекает: „кажется, что Смоленск Гочивами основан во время бывшего великого Одинова перенесения из Норвегии; в воспоминание оставленных ими там усадеб, и до сих пор Смолендиями именуемых, назван Смоленец" *). Как видим, сам Саксон Грамматик сомневается в сооб-

*) История города Смоленска П. Никитина, стр. 7-я.

*) Н. А. Мурзакевич. История губернского города Смоленска стр. 13-я.

щаемом. Если же принять еще во внимание включение Саксоном Грамматиком в свою историю вообще баснословного материала (Н. А. Мурзакевич считает его начальником баснословной секты историков), то с большим скептицизмом придется отнестись и к свидетельству этого историка.

Перечисленные предположения о происхождении названия Смоленска в настоящее время не только игнорируются, но и совершенно позабыты; они известны лишь немногим любителям истории Смоленска и его края *). На смену им явились новые

В истории Смоленска в главе „Откуда город Смоленск получил свое название" Мурзакевич пишет: „Смоленск получил свое название от смольян, гнавших смолу и промышлявших ею в разные места; соседи и те, кои покупали оную для смоления водоходных судов, прозвали их смольянами, а селение Смоленец называлось".

Трудно сказать, являлось ли высказанное Н. А. Мурзакевичем положение его собственным логическим выводом из сопоставления названия Смоленска с местной флорой, известной по летописи и в известной степени сохранившейся до его дней, или же он только зафиксировал распространенное среди смолян мнение? Так или иначе в средине XIX века народная масса давала об'яснение этого вопроса тождественное с об'яснением Н. А. Мурзакевича.

И в настоящее время Смоленские старожилы передают следующий рассказ своих отцов и дедов: „При-

*) Впрочем Н. Н. Редков и до сих пор производит название Смоленска от речки „Смольянки".

шедшие к местности, занятой теперь Смоленском, кочевники, пользуясь наличностью хвойного леса, строили особые печи и гнали смолу, которая шла для смоления больших лодок. От этого и возникший здесь город получил название Смоленска". (Е. И. Печкуров. Смоленск, 1920 г.).

Взгляд Н. А. Мурзакевича и смоленских старожилов разделяет и автор „Истории города Смоленска" (1847 г.) П. Никитин, И. И. Орловский и проф. Е. Голубинский. (См. 20 стр. I т. истор. Рус. церкви).

С. П. Писарев в своем труде „Княжеская местность и храм князей в Смоленске" (стр. 78-я) выдвигает новое мнение по затронутому вопросу: „Древнейший Смоленск", говорит он, „есть построение доисторическое какого-то славянского племени, может быть, смолян, отсюда и Смоленск (старинное и простонародное произношение) как от славян—Словеньск".

Обоснованием для выражения подобного рода предположения С. П. Писареву служат два мотива: во-первых, существование племени смолян и, во-вторых, наличие большого количества на территории Смоленской и Витебской губ. селений с племенным (от племени смолян), по его мнению, названием. Последнее обстоятельство позволяет автору „Княжеской местности" допускать возможность переселения в доисторическую пору с Дуная в пределы России племени „смолен" *).

„Что поселилась ветвь указанных смолян и на Руси", говорит С. П. Писарев,—„это видно из

*) Кроме того, С. П. Писарев ссылается на текст хранившейся у него летописи, которая, к сожалению, не издана, и о которой неизвестно, где она в настоящее время находится.

следующего по пространству Смоленской и Витебской губернии рассеяно много селений с племенным названием: Смоленичи, Смольяны, Смоли и и т. д., с разными фонетическими и этимологическими вариациями того же именования, напр.: Шмолена, Смоляна, Смоляники и проч. Кроме того, прибавим: как от словене и поляне образовались названия: словаки и поляки, так и от смоляне образовались в Смоленской же губернии варианты в названиях селений: Смоляки, Смолики, Смолькова, Смолка и т. д. Такое коли ество сходных названий указывает на существовавшее народное наречие, отличавшееся от других наречий и языков, бывших по соседству".

Точку зрения С. П. Писарева—о происхождении названия Смоленска от „смолен"—поддерживал и В. М. Бяшков в своем докладе, сделанном в Смоленской Ученой Архивной Комиссии.

Проф. Д. А. Жаринов, высказываясь по вопросу о названии города, между прочим, выразился: „Возникает сомнение, чтобы во всех селениях, носящих подобное Смоленску название" (Смоляки, Смольяны, Смоличи и др.), гнали смолу, тем более, что и на Дунае есть подобное название. Предположение же, что „смолене" переселились с Дуная на Днепр совершенно неосновательно".

Таким образом, совершенно игнорируя предположение о происхождении Смоленска от племени смолен, Д. А. Жаринов ставит происхождение названия Смоленска от „смолы", „смолить" под сомнением и считает наиболее вероятным происхождение названия от слова „смолвитися"—общая сходка, место, где происходило

народное собрание, или же от слова „смолитися"—общее мольбище. (Из лекции в Смоленском Инст. Нар. Образ. 1919 г.).

Допущение оригинальное, тем не менее совершенно голословное: нет никаких намеков, подтверждающих его. Сомнение же в возможности занятия со стороны насельников выгонкой смолы во всех пунктах с родственными Смоленску названиями, думается, вызывается малой осведомленностью о крае, а равно и упущением некоторых свидетельств.

С незапамятных времен река Восточной Европы была единственной дорогой, единственной связующей нитью между отдельными пунктами, раз'единенными дремучими непроходимыми лесами и болотистыми пространствами. И торговое, и военное, и гражданское движения и самое расселение славянских племен—все направлялось рекой, все двинулось по спокойным и тихим водам ее. Главнейшей из водных магистралей являлся Днепр.

„Днепр", - говорит В. О. Ключевский, „был главной хозяйственной артерией, столбовой торговой дорогой для западной полосы равнины: верховьями своими он близко подходит к Западной Двине и бассейну Ильменя озера, т. е. к двум важнейшим дорогам в Балтийское море, а устьем соединяет центральную Алаунскую возвышенность с северным берегом Черного моря; притоки Днепра, издалека идущие справа и слева, как под'ездные пути магистральной дороги, приближают Поднепровье, с одной стороны, к Карпатским бассейнам Днестра и Вислы, с другой—к бассейнам Волги и Дона, т. е. к морям Каспийскому и

Азовскому. Таким образом область Днепра охватывает всю западную и частью восточную половину русской равнины. Благодаря тому по Днепру с незапамятных времен шло оживленное торговое движение, толчек к которому был дан греками". (I т. Курс Рус. Истор.).

— Это движение и создало по главному речному пути „из Варяг в Греки" ряд городов, к числу которых относится и Смоленск. Смоленск возник в узле, где сходились водные дороги, из которых одна шла „из Варяг в Греки"—из Балтийского моря через Неву, Волхов, Ловать и Днепр в Черное море, другая—в „Болгары и Хвалынское море" через Днепр и притоки Волги—Вазузу, Оку с Угрою и др., третья—„в Немцы"—из Днепра в Касплю, Западную Двину и Рижский залив.

Но, являясь одним из главных факторов зарождения и роста древних городов, река приобретала это значение только при наличии водного транспорта, без которого она оставалась бы только стихийной силой скорее разрушающей, чем созидающей. Ладьи, учаны, корабли, насады и челны—вот пособники реки в ее созидательном процессе. На них река разнесла население по всей Восточной равнине, на них позднее перешагнул славянин и через Уральские горы и в них дошел до Великого океана. Это значение водоходных судов уже на заре исторической жизни должно было сказаться на занятии жителей Восточной равнины вообще, кривичей же в особенности. Живя на главном водоразделе (верховье—Днепра, Западной Двины и Волги), среди кривичей естественно должно было развиться умение строить водоходные суда. И действительно, они

слыли хорошими мастерами изготовления судов не только среди своих соседей, но и далеко в заморских странах.

Император Константин Багрянородный указывает на то, что зимой кривичи рубили в своих лесах деревья, из которых делали лодки и весной отправляли их на юг, к Киеву. Те 2000 кораблей, на которых, как говорит летописец, отправился Олег в поход из Киева в Царьград, по всей вероятности, были сооружены Смоленскими кривичами. В самом Смоленске уже в IX столетии существовал целый торговый флот, которым воспользовался Аскольд при походе на юг. Аскольд, — „проходя через Смоленск, принят был в нем от граждан с почтением, и из единого уважения к Рюрику даны ему и войску его суда купеческие, в коих Днепром достиг Киева“ (Мурзакевич. Ист. Смол., стр. 18-я).

Итак, строение водоходных судов занимало видное место у кривичей. Недаром же в различных местах кривичской земли, главным образом по Днепру, разбросаны пункты с такими названиями как Ладыжичи (древнее Лодейницы), платившие князю 10 гривен дани в год деревня Кораблевка, Челновая, Коробино и др. Кроме строения судов здесь, главным образом на месте нынешнего Смоленска и по магистралям волоков, происходил осмотр ладей иноземными купцами; здесь они чинили их, конопатили и смолили. Перетаскиваемые „волоком“ на катках и колесах из одной реки в другую, лодки портились, расползались по швам. Отправиться с товаром в дальнее плавание на таком судне было бы большим риском для заморского гостя. Строение же и починка судов вызывали существенную необходимость в смоле. Если на современную нам лодку, сработанную при помощи усовершенствованных инстру-

ментов и поднимающую 4—5 человек, требуется 10—15 фунтов смолы, то что же надо сказать о количестве смолы, потребном для смоления корабля, вмещавшего и поднимавшего, как свидетельствует летопись, „по 40 муж“ и более (некоторые вмещали до 100 человек) и изготовленного примитивным инструментом. Конечно, на приведение подобного судна в годность требовалось несколько пудов смолы. Это обстоятельство и породило новый вид занятий у кривичей, именно: добывание смолы, смолокурение. Вызванное удовлетворением местных потребностей—смоления водоходных судов—занятие это впоследствии развилось в один из главнейших промыслов кривичей. Кроме смоления судов „засмаливались“ бочки и кади, служившие для меду, который являлся продуктом вывоза из кривичской земли. Жители Смоленского уезда д.д. Смоляков, Бобров, Глушевки и др. не оставили этого способа приведения кадок и бочек в пригодность и до настоящего времени. „В огромном количестве“,—говорит П. В. Голубовский в „Истории Смоленской земли“,—„гналась смола как для внутреннего употребления, так и для вывоза за границу“. *) Рокачевский в статье „Опыт собрания исторических записок о городе Рославле“ (в Изв. Имп. Рус. Арх. Общ., т. IX, стр. 509) указывает, что в 1865 году близ селений Толстобина, Сельца, Прилеп, Росл. у., открыты древние запасы смолы в виде курганов. Очевидно, временами сказывалось перепроизводство этого продукта или делались запасы в прок. Небольшие обуглившиеся куски смолы фунтов по 6—7

*) По всей вероятности, это и послужило поводом к введению особой меры для смолы, именно „Смоляной бочки“, содержавшей в московский период истории около 8 пудов жидкой смолы.

найдены верстах в 2-х на с.-з. от д. Смоляков, Смол. у. На восток же от Смоляков, в 1½—2-х верстах от них, около речки Велевки до самого последнего времени можно было видеть остатки печей из закоптелого, покрытого слоем смолы, камня. Возможно, что это древние смолокурильни жителей Смоленской земли.

Кроме хорошего сбыта, смолокурению способствовала также наличность хвойного леса. Хвойные леса покрывали значительную часть кривичской территории. Они с холодной подзолистой почвой создавали условия, мало благоприятствовавшие развитию земледелия. Требовалось много усилий для подготовления площади к посеву. Сосны и ели переплетались не только своими верхушками, но и поверхность земли представляла сложный корневой узор. Достать земли, взрыхлить ее примитивной мотыгой в этом корневом узоре было не только затруднительно, но часто и совершенно невозможно. Но все это не мешало занятию смолокурением и даже, наоборот, побуждало жителей к нему и способствовало развитию этого промысла.

Человек, селящийся в условиях той природы, которую он постепенно завоевывал, не мог не считаться с ней и не отмечать ее особенностей. Образы природы получали отражение в его мыслях, его эпосе и песне, в его легендах и преданиях и в тех именах, которые человек давал тому или другому географическому объекту—речке, селению и т. п. Наряду с образами природы запечатлеваются и различные виды человеческого труда. Трудно допустить, чтобы смолокурение, процветавшее среди кривичей, не было зафиксировано тем или иным образом.

Выражения—„черный, как смоль“, „горячий, как смоль“, встречаемые в различных видах народного творчества, а также в обыденной разговорной речи, суть возможно, не что иное, как отражение того промысла, который процветал у жителей лесной полосы. Смоль называется „черной“, „горячей“, между тем как в естественном виде она желтая или белая и ни в коем случае не горячая. Очевидно, здесь сказалось представление о смоле „растопленной“, в каковом виде она является при перегонке и выгонке.

Не отразилось ли занятие смолокурением и в названии пунктов—Смоленск, Смоляки, Смольяны и др.?

Подходя к решению собственно этого вопроса, отвлечемся от Смоленска и перенесемся к нетронутому, так сказать, девственному в отношении изучения пункту,—к д. Смолякам, Катынской волости, Смол. у.

Смоляки расположены в 37 верстах на запад от Смоленска. В то время, как обычное расположение белорусских деревень - склон и подножие возвышенностей—Смоляки расположились над оврагом с протекающей по нем речкой Нагадынкой. Со всех сторон горизонт Смоляков окаймлен лесом. В недавнее же прошлое, во второй половине XIX века, за исключением южной стороны, лес подходил почти вплотную к деревне и тянулся во все стороны на многие версты, прерываемый небольшими прогалинами—белорусскими деревушками с их узенькими тощими нивками. На север от Смоляков (по правую сторону дороги, ведущей в с. Надву) в версте от них лес Корьки с невысокими приземистыми и толстыми елями с бугорчатыми („корявыми“ на местном языке) стволами, выделяющими в большом количестве смолу. На юг и восток тянется Велинский

лес, изобиловавший различными дикими животными — волками, медведями, кабанами, рысями. Название же деревень, вблизи расположенных — Лосево, Турово, Бобры — говорят о существовании здесь и этих, необычных в настоящее время для данной полосы, животных, а вместе с тем и о наличии в старину громаднейшего леса. На запад — Волжинский лес и кн. Любомирского, или „Польский". Как Польский, так и Волжинский лес состоят, главным образом, из хвойных деревьев — сосны и ели. С именем Польского леса связывается представление у местных жителей, как о чем-то грандиозном, мало проходимом, несмотря на то, что в значительной своей части в настоящее время он вырублен.

На запад от Смоляков (верстах в 5-ти) протекают речки — Смолиговка, с одноименным на ней селением, и ручей Смердяч.

При имени Смолиговки как-то невольно воскресает в памяти седой Смоленский Смолигов ручей, вытекающий из-под Вознесенской горы и носящий в настоящее время название Резницкого или Родника. С именем же речки Смердяч напрашивается отождествление ее с известной Смоленской Смядынью. Может быть, в глубокую старину речка эта носила название „Смердынь", но довольно трудное сочетание „рды" вызвало выпадение одного из согласных звуков — „р", что и дало „Смедынь", а потом белорусское „Смядынь".

В топографическом отношении Смоляки также напоминают отчасти Смоленск, вернее одну из его частей над оврагом.

Подобно деревне Смолякам и ее окрестностям, хвойный лес преимущественно перед другими породами покрывал и Смоленские холмы и их склоны. Говоря об

убийстве кн. Глеба, происшедшем 5 сентября 1015 года летописец указывает, что тело убитого было положено между двумя сосновыми колодами.

Струящиеся же воды загрязненного в настоящее время ручья Спасского оврага (древней Смольянки) и до сих пор обмывают почерневшие вековые стволы хвойных деревьев, сиротливо выглядывающие из-под надвинувшихся на них глинистых пластов земли. Черный Бор, Серебрянка, д. Боровая и многие др. пункты окрестностей города сохранили до настоящего времени следы флоры, окружавшей Смоленск на заре его возникновения.

Название же „Смоляки"—это один из многих вариантов названия Смоленска. С этим согласны и С. П. Писарев и Д. А. Жаринов. Да в этом отношении двух мнений и быть не может, равно как и в вопросе о тождественности исторических мотивов, легших в основание названия обоих пунктов.

Но какие же мотивы легли в основание названия пунктов?

Жители Смоляков передают: „На месте, где стоит теперь деревня, гнали смолу, которая шла для засмаливания лодок и каких то больших колес. От этого и получилось название „Смоляки". (В. П. Новиков, 1920 г.).

И действительно, при взгляде на старые, потемневшие от копоти, стены и крыши бань, расположенных по склонам и подошве Смоляковского оврага над речкой Нагадынкой, как-то невольно зарождается мысль о существовании здесь, во времена давно минувшие, на месте этих белорусских черных мыльней—древних кривичских смолокурилен. Они-то, с исходившей от

них во время выгонки смолы копоти, думается, и заставили жителей поднять свои избы как можно выше, на берег оврага.

Полное название Смоляков—„Коптево-Смоляки". Под этим именем они известны местным старожилам и значатся в некоторых документах церкви с. Надвы, Смол. у., за первую четверть прошлого столетия. Название „Коптево-Смоляки" ясно указывает на мотив, легший в основание названия селения: здесь гнали смолу, выделялась в большом количестве копоть, и это обстоятельство послужило названием местности „Коптево-Смоляки".

Верстах в 10—12-ти от Смоляков находится деревня Коптели. В фонетическом отношении „Коптели" соответствуют первой части полного названия Смоляков, именно—„Коптеву", ясно и определенно указывающему на выгонку здесь смолы. Раз так, то есть полное основание думать, что и на месте Коптелей, как и в Коптеве-Смоляках, гнали смолу.

На север, верстах в 6-ти от Смоляков и в таком же приблизительно расстоянии от Коптелей, находится деревня Шмолино (Смолино).

С. П. Писарев производит название Шмолино, как название Смоленска, Смоляков и др. пунктов, от племени „Смолен", при чем сознательно или же невольно искажает начертание названия Шмолина, обозначая его—„Шмолена", что в звуковом отношении, конечно, более сближает данное название с „смолене". Но на незначительной по величине территории, имеющей в диаметре 10—12 верст, с расположенными на ней пунктами:—„Коптели", „Коптево-Смоляки", происхождение „Шмолина", родственного своим звуковым соче-

танием с Смоляками, от слова „смолен" звучало бы диссонансом. Кроме того, и некоторые физические данные говорят в пользу происхождения Шмолина от слова „смола".

Расположено Шмолино верстах в 2-х от реки Лелеквы *), вблизи магистрали древнего волока из реки Каспли, притока Западной Двины, в Днепр. Обыкновенно считают этой магистралью—Касплю, р. Выдру, волок, озеро Купринское, р. Катынь и Днепр. Мне представляется наиболее вероятным другое направление, а именно: по Каспле, Выдре, р. Лелекве и затем волоком в р. Песочную, Купринское озеро, р. Катынь и Днепр **).

Последний маршрут позволял избегнуть приподнятой поверхности, лежащей пред Купринским озером.

Но если даже и не считать реку Лелекву линией передвижения судов, Шмолино и при обычно принимаемой магистрали волока лежало неподалеку от р. Каспли (в 2—3 часах пути) и еще ближе к р. Выдре. Эта близость, естественно, могла сказаться на промысле жителей края, именно на возникновении смоло-

*) Лелеква (финское слово) – водная долина.

**) По утверждению старожилов-очевидцев, лет 60 тому назад неподалеку от истоков реки Лелеквы в болотине, называемом „Стоячее озеро", была найдена древняя ладья с резным носом. Ладья долгое время находилась в усадьбе помещика. В целях отыскания ее, осенью 1921 г. была предпринята экспедиция в составе профессоров Археологического Института—Лапчинского, В. П., Архангельского, В. М., Крыжановского, Г. М., Зубакина, Б. М., Данилевского, А. И. и заведующего музеем Палашенкова, А. Ф. К сожалению, несмотря на все старания участников в поисках, экспедиция не дала желательных результатов.

курения и смоления судов *), тем более, что и здесь как и во всей кривичской земле, природа способствовала данному занятию.

Не безынтересно отметить, что здешние жители ель и сосну называют „смолягой", а хвойный лес— „смольняком".

Очевидно, это, равно как и ругательное выражение „смоллянка", направляемое по адресу неотвязчивого, липкого, как смоль, лица, есть не что иное, как отдаленное по времени эхо процветавшего здесь промысла.

Вообще же надо сказать, название селений и местностей, колорит и ландшафт окрестностей Смоляков, Шмолина, Коптелей не только не вносят дисгармонии в характер высказанного мотива, легшего в основание названия упомянутых пунктов, но, наоборот, гармонируют с ним, соответствуют сущности его.

Отсюда должны согласиться, что и название Смоленска, родственного своим названием со Смоляками и Шмолиным, происходит не от несуществовавшего здесь племени „смолен" и не от слова „смолвитися" или „смолитися", а от слова „смола", „смолить".

Только такое разрешение вопроса и позволит об'яснить наличие на незначительном пространстве города с названием от слова „смола" и Смолигова ручья и речки Смольянки.

Являясь одной из самых черных и грязных работ, выгонка смолы требовала и соответствующего места в

*) В версте от д. Шмолина находится д. Коты (Высокая Грива тож), которая, возможно, лежала на месте скатывания водоходных судов в Лелекву.

топографическом отношении. Чортово житье—овраг *) как нельзя более подходил для этого. Здесь на скате, выше подошвы, промышленнику не страшно и вешнее половодье и летний выход воды из берегов русла реки, но вместе с тем достаточно и воды для различных потребностей, вызываемых производством. Действие густого, едкого дыма, выделявшегося в большом количестве из печей во время работы, ограничивалось оврагом, на склонах которого дым расстилался и оседал. Склоны оврага облегчали также устройство смолокурильной печи, а в случае пожара сдерживали разбушевавшуюся стихию огня, не позволяя ей перебросить на жилые помещения.

И теперешние Резницкий и Спасский овраги в Смоленске, подобно Коптево-Смоляковскому, ютили в себе закоптелые черные смолокурильни, дававшие переработанную, очищенную смолу, которая и отвозилась на Смядынскую пристань, где ее поджидал и скандинавский варяг, и цареградский грек, и араб из-за Хвалынского моря, и болгар с Волги. Ручьи же, в оврагах протекавшие, естественно, должны были получить название, связывавшееся с царившим здесь промыслом—смолокурением,—откуда—Смолигов ручей в Резницком овраге и речка Смольянка в Спасском. Если же согласиться, что древнее название Смядыни—Смердынь, то придется сказать, что и по этой знаменитой в истории древнего Смоленска реке тянулись смолокурильни, отчего река и могла получить свое название.

Профессора Д. А. Жаринова смущает присутствие на кривичской территории довольно большого количе-

*) „Горы да овраги—чортово житье", говорит древняя славянская мифологическая пословица.

ства пунктов с названиями, соответствующими Смоленску, что и мешает ему согласиться с происхождением названия Смоленска от „смолы“. Мне же думается, это обстоятельство не только не должно смущать, но—наоборот—должно служить фактом, подтверждающим это предположение.

На большой территории, с характерным и типичным для ее жителей занятием (смолокурением), нахождение единичного пункта с названием, подобным „Смоленску“, „Смолякам“ и др., было-бы действительно загадочным. Невольно возникал бы вопрос, почему именно только данная точка территории зафиксировала в своем названии распространенный повсеместно промысел.

Пересекаемое в различных направлениях магистралями древних волоков, пространство современной Смоленской губ. носит не одно и не два названия пунктов с именем „Волково“ (Волокова), а целых 32*). Кроме того существует ряд речений от слова „волок“—волочек, волоценьки, волочебники и т. п.

Таким образом, самое количество одноименных пунктов находится в самой тесной связи с обширностью однородных занятий. Но если количество одноименных пунктов находится в связи с обширностью занятий, то оно, вопреки мнению С. П. Писарева, не должно стоять в зависимости от присутствия и наличия того или другого племени на данной территории. Названиями фиксируются обычно характернейшие и отличительнейшие признаки того или иного пункта.

*) По шести деревень в Поречском и Бельском у., 4 в Вяземском, по 3 в Дорогобужском, Духовщинском, Краснинском и Сычевском и по 2 в Ельнинском и Рославльском.

Для жителей Смоляков, Шмолина, Смоленска, когда на много верст вокруг них жили только их одноплеменники, племенное название не могло являться характерным и отличительным признаком. По соседству в тех же Бобрах, Дебрицах, Сосновках, Волоковых и т. п. обитали их же сородичи.

Племенные названия пунктам даются дальними или более близкими иноплеменниками, чужестранцами, которые, входя в общение в известном пункте с чужаками, дают этому пункту название по имени отличного от них племени народа. Таково, очевидно, происхождение Словеньска от славян. Но племенное название иноплеменниками может быть предоставлено одному—двум пунктам, но не десяткам. Между прочим, в Смоленской и Витебской губерниях находятся десятки селений родственного по названию со Смоленском происхождения, при чем некоторые из них находятся друг от друга всего в 5—6 верстах, и часто в таких точках географического пространства, где особенно близких отношений с чужими гостьми не могло и быть.

Таким образом, если бы даже стать на точку зрения С. П. Писарева, т. е. согласиться с тем, что „смолене" жили в Восточной Европе *), то и тогда происхождение всех пунктов, название коих отождествляется со Смоленском, не могло бы ни в коем случае связываться с племенем „смолен". Главное, конечно, то, что ни один из известных древних исторических памятников письменности не говорит об обитании когда-либо

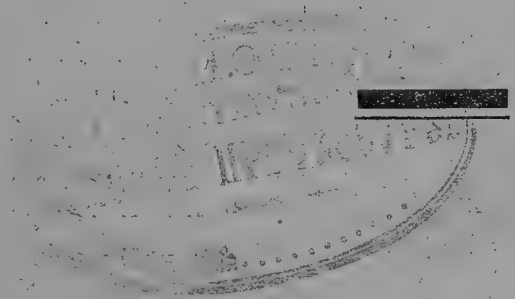
*) В этом случае придется видеть племя смолен и в теперешней Новгородской губ. и вообще на севере Европейской России и Сибири, где существует целый ряд пунктов с корнем в названиях „смол"—Смолно, Смолинский погост и т. п.

на территории Смоленской земли „смолен". Все списки летописей указывают на этом месте кривичей. Племя же „смолен" обитало в Придунайских странах, и с их именем, очевидно, и связывалось название города Смолен, бывшего в метрополии Филиппской и находившегося, по предположению ученых, на месте нынешнего приморского городка Орфано или Орфани, недалеко на восток от впадения в море р. Струмы, между Афоном и о. Тазосом.

Но это обстоятельство—происхождение южного г. Смолен от племени „смолен"—совершенно не мешает Приднепровскому Смоленску и ряду селений, рассыпанных по древнему его княжеству, связывать свои имена со смолой, имевшей такую же известность для кривичской земли, как и „черны грязи Смоленские".

5 апреля 1920 г.

Смоленск.



6112